

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4189649>

Сомнительное согласие

Направленность: Слэш

Автор: [GreenBlush \(https://ficbook.net/authors/731677\)](https://ficbook.net/authors/731677)

Фэндом: Звездные Войны

Пейринг или персонажи: Вейдер/Пиетт (спойлер: никто не любит Вейдера)

Рейтинг: R

Жанры: Ангст, Драма, AU

Предупреждения: OOC, Насилие

Размер: Миди, 24 страницы

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Игры разума.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Написано на ЗФБ-2016 в составе ЗВ-дримтим <3

бета - Кленовый Лис.

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

«When I wake up in the morning, a pure white curtain of lace is rustling in the breeze. The cuckoo clock in the room says it's seven o'clock, and Mom's voice says: „You'll be late if you don't get up!“ I'm still half-asleep, and I think: „Please let me sleep for three more minutes.“ I'm late for school every single day, like clockwork. My teacher makes me stand out in the hallway, and I get failing grades on my tests. The crepes we'd all eat on the way home. We'd gaze dreamily at a party dress in a store window. The little things bring so much joy and I'm happy. I wish I could go back to that kind of normal life. I want to go back.» © Sailor Moon

Энакин просыпается сразу. Он лежит на спине поверх одеяла, на запястьях — наручники. Он не помнит, как ложился спать.

На предплечьях содрана кожа, словно он пытался освободиться. Голова кружится, и вставать, не опираясь на руки, трудно. Наверное, есть какой-то способ избавиться от наручников, но это не позволит ему убежать — только навредить другим. Он помнит, что не хочет навредить другим.

На стене рядом с постелью висит зеркало. Сверху на нем крупно написано, похоже, несмываемым маркером: «Энакин Скайуокер». И стрелка указывает в центр. Чтобы он не забыл собственное имя? Это кажется нелепым, но, вероятно, послание не случайно. Как и наручники.

С помощью Силы зеркало было бы легко расколоть на части, которые затем он мог бы использовать в качестве импровизированного оружия при побеге. Почему он снова думает о побеге? Куда ему бежать, зачем? Он только предаст доверие Фирмуса и... он не помнит, кого еще. Вроде бы ему доверял кто-то еще.

Если бы в комнате было окно, вышло бы еще лучше. Разбив его, можно получить одновременно и оружие, и путь для побега. Наверное, именно поэтому окна здесь и нет.

Чтобы избежать соблазна расколоть зеркало, на котором так аккуратно написано его имя, Энакин выходит из комнаты — дверь никогда не закрывается, — и едва не сталкивается с Фирмусом. Не говоря ни слова, он склоняет голову и почти бежит в освежитель. Кажется, что Фирмус может читать его мысли, особенно такие. О побеге, о сопротивлении. Это, конечно, говорит безумие: никто не может проникнуть в чужой разум, не владея Силой.

В освежителе тоже есть зеркало, и мысли об острых осколках возвращаются снова. Их можно использовать и по-другому — например, вскрыть себе вены. Если раны окажутся опасными, его отвезут для лечения куда-то еще и бежать будет легче?

Неожиданно перед глазами появляется конкретная картина: осколок зеркала у горла Фирмуса, первый слабый надрез и струйка крови — зловещее предупреждение. А потом — надрез на собственном горле Энакина. Почему он об этом думает? Такое уже случилось?

Энакин внимательно осматривает свою шею. Никаких шрамов, как и на лице. Нет заметных повреждений и признаков болезней. Только глаза выглядят нездоровыми: вокруг радужки красные прожилки. На лопнувшие сосуды они непохожи. Почему так?

Холодная вода прогоняет ненужные размышления. Правда, металлический блеск крана вызывает желание сломать с его помощью наручники. Но сейчас это бессмысленно, он только привлечет внимание громким звуком, еще и оказавшись запертым в помещении без окон.

Собираясь выходить, Энакин слышит сигнал двери. Он не знает, кто мог бы к ним прийти, но почему-то остается на пороге освежителя и не идет дальше, прислушиваясь.

До него доносятся еле слышный вскрик и звук удара, словно кого-то резко прижали к стене.

— Так это вы проникли на планету, — зло говорит Фирмус.

— Да, — громко отвечает незнакомый Энакину голос. — Разрешите мне увидеться...

— Не разрешаю. Вам здесь не место. Уходите, пока я не оповестил охрану. Или не задействовал всю систему безопасности.

Энакин оглядывается по сторонам — что можно использовать в качестве оружия? Зеркало. Зеркало подойдет. С помощью Силы можно через комнату метнуть осколок в горло непрошеному гостю. Но та же самая Сила словно шепчет на ухо: не высывайся, слушай.

— Я его не брошу, — настаивает незнакомец. — Он мой отец.

— Последнее предупреждение, — уже спокойнее отвечает Фирмус. — Вы не выполнили тогда мою просьбу, и нам не о чем больше говорить. Убирайтесь.

После этого Энакин не может больше разобрать никаких слов. Очевидно, неожиданный визитер ушел. Подождав еще немного, Энакин выходит из освежителя.

Фирмус, как ни в чем не бывало, сидит на диване и даже не поднимает взгляда от экрана датапада.

— Кто приходил? Кто здесь был? — требовательно спрашивает Энакин.

— Когда?

— Только что.

Фирмус, наконец, отрывается от датапада.

— Я.

Эти спокойные интонации выводят из себя.

— Я слышал сигнал входной двери, и кто-то настаивал, чтобы его...

Фирмус медленно встает и подходит ближе.

— Здесь не было никого, Эни. Тебе показалось.

Показалось, значит. Энакин не отвечает. Осматривается по сторонам. Хочется протестовать, и, наверное, Фирмус это понимает. Не делая резких движений, он достает из тумбочки хорошо знакомую Энакину упаковку таблеток, вытряхивает две на ладонь и протягивает ему. Хочется попросить воды, чтобы запить, но можно и без нее — это уже давно привычное дело.

На этот раз таблетки словно застревают в горле. Становится тяжело дышать, а голова снова кружится, как от недостатка кислорода. Такое знакомое ощущение.

Фирмус берет его за руку, подводит к двери и открывает ее.

— Посмотри как следует, здесь никого нет.

Энакин послушно выглядывает, с трудом сопротивляясь желанию вырваться и немедленно бежать. Почему он хочет убежать? Уже темно, и ориентироваться будет труднее. Он невольно поднимает взгляд на небо и наконец понимает, что сегодня действительно попал в плен галлюцинаций. Луна над этой планетой — на какой они планете? — выглядит слишком неестественно. Ее цвет напоминает о дюррастиле, а огромный, идеально круглый кратер не похож ни на какие природные объекты.

Энакин встряхивает головой, но луна не исчезает.

— Я действительно не в себе, — признает он. — Вижу ненастоящую луну.

Больше не желая бежать, он отворачивается от выхода.

— Это не луна, — со смехом отвечает Фирмус. — Это боевая станция.

Боевая станция? Такой колоссальный объект в небе?

— На какой мы планете?

— На Альдераане.

На орбите Альдераана никогда не было ничего подобного. Точнее, Энакин такого не помнит. Но Фирмус не стал бы врать, значит, сегодня на одну галлюцинацию меньше. Пусть предыдущая и казалась более чем реальной, хотя и совершенно непонятной.

Голова снова кружится, и Фирмус почти силой усаживает Энакина на диван. Начинает

клонить в сон, но стоит закрыть глаза, как головокружение доводит до тошноты. Энакин снова вскидывается и смотрит в окно. В этой комнате оно есть.

Ничего разглядеть не удастся, за окном лишь непроглядная чернота.

— Почему нет звезд? — наконец решается спросить он. Это ведь точно галлюцинация — атмосфера Альдераана не загрязнена и не должна мешать видеть звезды.

Фирмус порой бывает недоволен тем, что Энакин говорит о своем искаженном восприятии как о реальности, но удержаться от вопроса сейчас невозможно.

Фирмус тоже смотрит в окно. Качает головой, словно давая отрицательный ответ на какой-то другой вопрос. Садится рядом и притягивает Энакина к себе.

— Ты помнишь, как в детстве смотрел в небо?

Какой неожиданный вопрос. Энакин старательно пытается вспомнить. Да, кажется, такое было.

— Каждую ночь, — продолжает Фирмус. Потом добавляет, похоже, повторяя чужие слова: — «Столько звезд на небе. Я хочу взорвать каждую».

Кто это сказал? Энакин не решается спрашивать. Ответ на его вопрос о беззвездном небе уже достаточно странный. К тому же голова понемногу перестает кружиться, и можно спокойно заснуть. Фирмус подставляет плечо. Возможно, он действительно умеет читать мысли.

Энакин просыпается на диване. Рядом никого нет, а его руки свободны, запястья перебинтованы. Он осторожно дотрагивается до повязок — касание отдается тупой болью.

Не оставляет ощущение неправильности происходящего. Он не знает, зачем здесь находится. «Чтобы не навредить другим и себе». В словах Фирмуса он чувствует искренность и заботу, но почему ему больше ничего не говорят? «Травмы, полученные в боевых действиях», «заслуженный покой». Все.

Конечно, он плохо запоминает информацию, а реальность путает с галлюцинациями, но разве сложно было бы сообщить ему хотя бы несколько важных фактов? Написать на том же зеркале? «Энакин Скайуокер, под арестом за убийство». Или: «Опасен для всех, кроме Фирмуса Пиетта». Или хотя бы основные детали биографии. Он запомнил бы их.

Сейчас он смутно припоминает детство и то, что обучался в Ордене джедаев. Но лицо в зеркале не принадлежит падавану, с тех пор, должно быть, прошли десятки лет. И про них он не может ничего сказать точно. Порой ему снятся полеты на истребителях и поединки на световых мечах. Кажется, он не растерял прежних навыков, а Сила все еще

с ним. Наверное, он не какой-то ужасный преступник, если его не казнили и не держат в настоящей тюрьме. Фирмус... Кто он по профессии? Где они вообще встретились?

Энакин изучает квартиру. Из этого помещения можно попасть только в его спальню без окна и в освежитель, остальные двери заблокированы. Он опасен для Фирмуса?

Стоящие на виду предметы не дают ценной информации, лишь неясные намеки. На жестком подлокотнике дивана есть вмятины, как будто кто-то изо всех сил вцепился в него и долго не хотел отпустить. Рядом висит голофото корабля в толстой рамке. Энакин вспоминает — такие называются «Звездные разрушители». Он отодвигает фото в сторону и замечает на стене выжженный след, как от светового меча.

Самая важная находка — офицерский китель и фуражка. Ему они не по размеру. Фирмус служил в армии или флоте? Знаков отличия нет.

Ни один из датападов не пригоден для подключения к сети. Можно попробовать решить проблему, но это займет время, а без присмотра его надолго не оставляют. Иногда Энакину кажется, что в нем по-прежнему рабский трансмиттер, теперь уже информирующий владельца не только о местонахождении, но и о текущем занятии и даже мыслях их разумной собственности. Должно быть, это снова говорит безумие.

Он возвращается к мысли о датападах. Здесь что-то неправильно. Думать почти физически тяжело, наверное, его мозг сильно поражен, или же таблетки недавно заменили на другие, — но Энакин выстраивает логическую цепочку. Ему не дают получить информацию о мире, почти никакую. Фирмус желает для него безопасности, но согласен с такими мерами. Значит, если Энакин узнает правду, то сразу же начнет действовать, причем не себе во благо. Что могло вызвать у него такую реакцию? Галактикой правят враждебные ему силы?

Что представляет собой галактика? На небе нет звезд.

Можно попробовать получить информацию из другого источника. Из окна видны здания — похоже, они в каком-то городе. За пределами дома наверняка можно получить доступ в сеть. Это несложно: выйти, найти ближайшее общественное заведение, подключиться к сети, при необходимости отвлекая от себя внимание с помощью Силы. Дверь не заблокирована. Фирмус запрещал ему выходить наружу, но если дверь открыта, то это не арест, и проблем с законом не возникнет.

Испытывая слабые угрызения совести, Энакин выжидает и в нужный момент запирает тепло пожелавшего ему доброго утра Фирмуса в освежителе, приведя в негодность дверь. После этого он бежит к выходу, без затруднений открывает дверь и попадает на свежий воздух. С непривычки солнечный свет слепит и кажется ненастоящим, как огромная, яркая лампа.

Щурясь и прикрывая глаза ладонью, он осматривается. Этот город ему незнаком или забылся. Небоскребы напоминают огромные крейсера, а вдали виднеются горы. Бывал ли он раньше на Альдераане?

Энакин делает нерешительный шаг вперед. Потом еще один и еще. Он бездумно движется прочь от своего дома, лишь бы продолжать шагать.

— Стоять, Скайуокер, — звучит у него за спиной, и тут же появляется запоздалое ощущение опасности.

Он медленно поворачивается на голос и видит перед собой смутно знакомого человека в форме офицера флота. Что означает эта планка — капитан?

— Я решил проверить систему безопасности, убедиться в вашей... лояльности, — губы офицера кривятся в презрительной гримасе. — И вы пытаетесь бежать в первый же день.

— Кто вы?

Капитан направляет на него зажатый в руке бластер.

— Руки вверх, — отрывисто произносит он.

Одного бластера было бы недостаточно, но Энакин прислушивается к Силе: этот человек не один. Из близлежащих зданий за ним тоже следят, скорее всего, снайперы. Он пытается прикинуть, как можно убежать отсюда, чтобы не попасть под выстрелы, но мысли тянутся слишком медленно. В таком состоянии он не сможет ни бежать, ни драться. Какие еще есть варианты?

Желая проверить смутное предчувствие, Энакин делает шаг вперед.

— Не приближайтесь, — предостерегает его капитан, но его голос звучит нерешительно. Подарок судьбы — заложник решит все проблемы.

— Эни! — доносится до него укоризненный голос.

На этот раз он не поворачивается. Зачем Фирмус последовал за ним?

Бластер в руке капитана чуть вздрагивает, и Энакин моментально преодолевает расстояние между ними, хватая капитана за горло, отнимает оружие, которое словно само собой направляется на Фирмуса.

Фирмус выглядит совершенно невозмутимым.

— Если хочешь, стреляй, — терпеливо говорит он.

Почему Энакин так поступает? Он просто хотел бежать. Куда бежать?

Бластер лежит в руке непривычной тяжестью. Пригрозить не выйдет, не поверят. Оглушить или неопасно ранить — тоже, он вполне может промахнуться и убить. Капитан перестает сопротивляться, и Энакин понимает, что тот ждет приказов от Фирмуса. Внезапно в памяти всплывает имя: Лорт Ниида. Они должны были встречаться раньше.

Кто тогда Фирмус? Он командует здесь всеми?

— Прикажи отпустить меня, — требует Энакин.

— Нет, — так же спокойно отвечает Фирмус. — Иначе ты пострадаешь. Я не могу этого допустить, даже если придется принять крайние меры.

Энакин колеблется.

— Стреляй, если хочешь, — повторяет Фирмус. Энакин опускает бластер.

Ниида сразу же освобождается из его захвата и выворачивает ему кисть, заставляя уронить оружие, заламывает руки за спину. Сопrotивляться бесполезно. Когда Энакин снова смотрит перед собой, Фирмуса нигде не видно.

Ниида опять надевает на него непонятно откуда взявшиеся наручники и за воротник тащит обратно домой, доводит до спальни и толкает внутрь.

Где они встречались раньше?

Наверное, надо изобразить сожаление.

— Я хотел посмотреть, что снаружи, — говорит Энакин, пытаюсь, чтобы голос звучал виновато. — Я не собирался причинять вреда.

— Это меня не интересует, — перебивает его Ниида. — Нам нужно ваше послушание, а не оправдания.

— Послушание? — не выдерживает Энакин.

Ниида медленно, почти лениво размахивается и бьет его по лицу. Энакин едва не падает на постель. Он даже не может разозлиться как следует. Раскаяние не годится, возмущение не годится. Остается признать поражение в этой схватке.

— Приношу... свои извинения.

— Извинения приняты, Скайуокер.

Ниида встряхивает ладонью, то ли разминая ее после удара, то ли выражая презрение, — и выходит, закрыв за собой дверь.

Энакин растирает щеку и снова оглядывается по сторонам, хотя эту комнату помнит хорошо. Постель, рядом странный поручень на стене — зачем, если он может вставить и без таких приспособлений? — зеркало, прикрученная к полу тумбочка. Окон нет. Чтобы он не сошел с ума от вида неба без единой звезды?

Снаружи едва-едва слышен голос Фирмуса:

— Злишься? А зря. Это не его вина.

Энакин подходит к двери и прислоняется к ней ухом.

— Да? А чья же?

Раздаются твердые шаги.

— На орбите Звезда Смерти и «Палач», — говорит Фирмус, похоже, с трудом удерживаясь от резких слов. — И вы упустили этот корабль.

— Истребитель, — тихо уточняет Ниида. — Крестокрыл.

— Вы подвели меня, капитан.

Энакин не знает, что происходит, возможно, это очередная галлюцинация, но позволяет себе испытать удовлетворение от нерешительности в голосе Нииды, который осторожно возражает:

— Его отец сбивал орбитальные станции в девять лет...

— Наша армия не состоит из дроидов, — перебивает Фирмус. — А этот чужеродный элемент может серьезно навредить всей планете. Займите положенное вам место и приступайте к делу, пока я не нашел новые способы вас мотивировать.

После этого наступает тишина. Энакин возвращается к постели, чтобы его не застали подслушивающим.

Лежать и смотреть в потолок — кажется, именно этого от него и хотят. С трудом он снова заставляет себя думать. Уйти не позволят. Выход хорошо охраняется, а в таком состоянии он не сможет противостоять даже нескольким бластерам.

«Я не могу этого допустить, даже если придется принять крайние меры». Чего именно допустить? Он не дожидается ответа.

Из глубин сознания всплывает отвратительная, темная мысль: значит, надо заставить. Ему не хочется. С облегчением Энакин заключает, что сейчас все равно не сможет проникать в чужое сознание и воздействовать на него: для этого требуется более серьезная концентрация и владение Силой, чем доступные ему.

Энакин не знает, сколько уже часов лежит на кровати, когда заходит Фирмус. Снимает наручники — почему Энакин сейчас не посмотрел, как они снимаются? — и осторожно касается синяка на лице.

— Может быть, ты считаешь, что с тобой обращаются несправедливо, — произносит Фирмус.

Энакин даже сейчас не злится по-настоящему, хотя фраза — почти издевательство. У него ведь не спросили, что он считает, лишь озвучили возможность его недовольства. На это нечего возразить.

Кажется, когда-то давно ему уже приходилось спорить на тему справедливости и свободы воли.

— Я не знаю, что совершил и чего заслуживаю, — наконец говорит он. — Не помню, какое у меня понятие справедливости. И не знаю твоего.

Фирмус осторожно садится на край кровати, словно в первый раз. Где он вообще спит? Кем они приходятся друг другу?

— Мне нет дела до справедливости. Я забочусь только о твоём благополучии.

Теперь пользоваться Силой почему-то проще, и Энакин тянется к его сознанию. Фирмус снова говорит правду. Его эмоции гораздо отчетливее: беспокойство, готовность действовать, сожаление о том, что произошло. Остальное Энакин даже не пытается расшифровать, хватая Фирмуса за воротник и целует.

Неправильно. Это совсем неправильно.

Фирмус не спешит ни сопротивляться, ни отвечать. Энакин не может ошибаться — он не делает ничего, выходящего за рамки их обычной жизни. Тогда в чем дело?

Воспоминание предстает перед ним ярко, едва не превращаясь в галлюцинацию. Он так же сидит на постели и целует кого-то — кого? Еще немного усилий, сейчас он вспомнит. Еще пара секунд, и вспомнит.

«Нет. Это приведет нас к гибели».

Кто это говорил?

Он обнимает Фирмуса — похоже, слишком крепко, тот упирается ему руками в грудь, но не пытается отстраниться и ничего не говорит. Еще одно воспоминание: Энакин просыпается после кошмарного сна и в ужасе уходит из спальни, но его кто-то утешает и говорит, что ему некого бояться. Сейчас он вспомнит точно. Фирмус выглядит единственным подходящим на такую роль, но почему тогда кажется, что они обнимаются в первый раз?

Нет. Фирмус просто позволяет себя обнимать. Через миг после того, как Энакин понимает это, Фирмус отстраняется и достает из кармана таблетки, сразу четыре. Почему? Что он сделал не так? Но спрашивать бесполезно — лицо Фирмуса становится почти суровым. В тот момент, когда Энакин думает отбросить таблетки подальше и потребовать объяснений, Фирмус берет его за подбородок. Энакин с трудом глотает таблетки по очереди.

Раньше ведь требовалось меньшее количество?

В горле стоит комок, и похоже, что сейчас все таблетки вернутся наружу. Фирмус хватает Энакина за горло и опрокидывает на постель. Он невольно дергается и едва удерживается от того, чтобы бороться всерьез. Его горло сильно сжимают пальцами с двух сторон. Этот метод Энакину известен, но сопротивляться слишком поздно — он теряет сознание.

Когда он приходит в себя, рядом никого нет. Фирмус даже не побеспокоился о его состоянии?

Это кажется самым настоящим предательством. Но почему тогда Сила говорит о заботе и принятии?

Дверь закрыта. Энакин садится на кровати. Прошло не так много времени после приема таблеток. Он засовывает пальцы себе в горло.

Желудок сводит спазмом. Вызвать рвоту в таком состоянии трудно, но Энакин продолжает двигать залитыми липкой слюной и один раз случайно прикушенными пальцами. В наручниках неудобно, но скоро он, едва не застонав от боли, давится едкой смесью лекарства и желудочного сока. Мутная жидкость с не растворившимися до конца таблетками выплескивается ему на кисти рук. Энакин вытирает их о штаны — он что, действительно пытался сбежать в этих пижамных штанах? Несколько белесых капель падают на пол, и он вытирает их краем тех же штанов.

Во рту остается отвратительный привкус, в животе — тянущая боль. Энакин ложится на спину и ждет, стараясь не задремать. Таблетки белого цвета, штаны светлые, следы будут мало заметными, когда высохнут. Можно сходить в освежитель и переодеться, но после таблеток должно клонить в сон, не стоит вызывать подозрений. Или он принимает таблетки больше чем одного вида? А по-настоящему спать в любом случае нельзя, тогда он может вообще забыть про следы на штанах и выдать себя.

По крайней мере, здесь нет видеонаблюдения, если ему не помешали вызывать рвоту.

Дождавшись, пока оставшиеся целыми куски таблеток высохнут, Энакин растирает их пальцами в порошок и аккуратно сдувает с ладони под тумбочку.

В следующий раз Энакин просыпается медленнее. Дверь комнаты снова открыта. Наручников нет.

Он встает с постели и чувствует, что может голыми руками разбить зеркало с надписью «Энакин Скайуокер», а потом проломить ударом Силы стену. А еще он помнит, что происходило до того, как он заснул. Значит, таблетки не просто спасают от галлюцинаций.

За стеной раздается выстрел. Энакин выбегает из комнаты.

Фирмус спокойно подходит к входной двери и открывает ее. До них доносятся звуки перестрелки, один разряд бьет в пол у ног Фирмуса. Энакин бросается вперед и оттаскивает его от дверного проема.

— Что с тобой? — Фирмус возмущен.

— Тебя чуть не...

Фирмус протяжно вздыхает, берет Энакина за плечи и усаживает на диван.

— Что ты видишь на этот раз? — устало спрашивает он.

Опять галлюцинации. Не может быть. Выстрелы слышны отчетливо. Вот след на полу. Вот очередной разряд попадает прямо в окно, но транспаристил выдерживает.

— Неважно, — торопливо говорит Энакин. — Показалось.

Фирмус, судя по всему, не верит ему, но все же отворачивается и направляется обратно, к выходу. Но не успевает он дойти до двери, как она открывается сама. Внутрь врывается незнакомый Энакину светловолосый юноша.

Фирмус точным движением сбивает его с ног.

— Снова вы. Вам здесь не место.

Юноша переводит дыхание, а потом громко произносит:

— Отец, я не оставлю тебя.

Его голос кажется Энакину знакомым. Как и слова.

— Вы уже оставили! — восклицает Фирмус. — Во всем этом — ваша вина. Вы не выполнили мою просьбу, теперь осознайте, наконец, последствия и убирайтесь.

Юноша неловко пинает Фирмуса ногой и вскакивает, но тут же пропускает удар в живот.

— Вам не справиться со мной, — Фирмус хватает его за плечо и впечатывает в стену. — Не заставляйте вас уничтожать.

Его противник замирает и переводит дыхание, а потом поворачивает голову прямо к Энакину и говорит:

— Меня зовут Люк Скайуокер. Все будет хорошо, я вытащу тебя отсюда.

— Эни, закрой глаза, — перебивает его Фирмус. Подчиняться не хочется, но эта галлюцинация выходит из-под контроля. Энакин для верности замуривается и закрывает глаза ладонями.

Слышно несколько ударов, громкие шаги — похоже, сразу многих людей, — и стон боли. Потом все стихает.

Его осторожно трогают за плечо.

Да, снова — всего лишь выпадение из реальности. На Фирмусе нет никаких следов от схватки, и выстрелы прекратились. Больше никого рядом нет.

Фирмус касается ладонью кармана брюк. Энакин знает, что там лежат таблетки. Но вновь обретенный контакт с Силой прерывать не хочется, даже если ему грозят новые галлюцинации.

— Мне нехорошо, — говорит он. — Наверное, пора спать.

Фирмус согласно кивает и не настаивает на принятии лекарства.

Проснувшись, Энакин не может понять, какое сейчас время суток. Дверь в его спальню открыта, а наручников на нем нет. Осторожно поднявшись с кровати, он выполняет несколько простейших упражнений. Теперь он мог бы побороться и с джедаями. Очевидно, активное вещество таблеток быстро выходит из организма.

От неожиданного звука чужого голоса он вздрагивает и прижимается к стене, но сразу же понимает — это новости по голонету. У них все же есть доступ в сеть?

«...и состоялась встреча верховного канцлера Амидалы с королевской семьей. Были затронуты вопросы...»

Амидалы? Падме? Как она может быть канцлером?

Энакин как можно тише выскальзывает из спальни и подходит сзади к сидящему на диване Фирмусу. Но как только в его поле зрения попадает датапад, на котором показываются новости, Фирмус моментально выключает трансляцию и оборачивается.

Проклятье. Он же не привлекал внимания! Удалось увидеть лишь пару кадров: лицо Падме и похожее на корабль здание, которое кажется знакомым.

— Что такое? — спрашивает Фирмус, как будто это не он реагирует нелепо на чужое приближение.

— Ничего.

Энакин отходит к окну — может быть, Фирмус снова включит датапад, если не стоять за плечом? Но этого не происходит.

Из окна открывается вид на здание из голонета. Энакин готов снова считать что-то из

происходящего галлюцинацией, слишком это странное совпадение.

Ошибки быть не может. Это оно, то самое здание. Падме сейчас там?

Она может все ему объяснить. Она не будет умалчивать факты и требовать послушания.

Энакин оглядывается и замечает виноватый взгляд Фирмуса. Датапада в его руках уже нет. Датапада, подключенного к сети, до которого обязательно нужно добраться, а для этого — отвлечь Фирмуса.

— Ты помнишь, что видел вчера? — Фирмус пытается отвлечь его.

— А в чем дело?

Он медлит пару секунд.

— Тебя не беспокоили новости?

Энакин старательно изображает непонимание. Кажется, ему верят — Фирмус улыбается и хлопает его по плечу.

— Ладно, неважно. Там были некоторые вещи не для твоих глаз.

Падме — не для его глаз?

Энакин опускает голову, чтобы не выдать своей злости.

— А вчера у тебя опять были галлюцинации, — говорит Фирмус уже серьезнее.

— Да, помню. Немного. — Заставят ли его принимать таблетки после единственного вопроса? — Фирмус, у меня есть дети?

— Нет. Это точно.

Энакину становится холодно. Он вздрагивает и обнимает себя за плечи. Разумеется, этого и следовало ждать. Верить в порождения безумия — значит самому шагнуть в пропасть. Вот только сейчас он и так чувствует, что стоит над пропастью, а порывы ледяного ветра подталкивают все ближе к краю.

— А кто у меня есть?

— Я.

Его не устраивает такой ответ. Хочется спрашивать и дальше, не может быть, чтобы во всей галактике он больше никому не был нужен.

— И я всегда буду с тобой, — продолжает Фирмус.

— Почему? — злость становится заметной в его голосе. Ответа он не получает.

Здесь есть что-то неправильное. Большая, отвратительная ложь. И хочется принять все слова Фирмуса, поверить — неизвестно, как следует, чему. По крайней мере, тому, что Фирмус не уйдет. А все остальные?

Люк не может быть издевкой безумия. Не бывает таких идеальных галлюцинаций.

Что ему делать?

Изобразить спокойствие. Глубокий вдох и выдох. Не давать рукам дрожать, это плохо выглядит и может довести до таблеток. Зачем он избегает таблеток? Чтобы сбежать. Куда сбежать? К кому?

Кажется, ответ был где-то за окном, но Фирмус хватается Энакина за ладонь и не дает сдвинуться с места. Хочется вырваться, но внезапно Энакину снова представляется жуткая сцена: разбитое зеркало, он сжимает в пальцах осколок и с хрустом вгоняет его в горло Фирмусу. Кровь выплескивается на его руки, одежду, лицо.

Он смотрит на свои ладони — чистые, никакой крови.

Без таблеток тоже непросто. Но он должен попытаться.

Попытаться сделать что именно?

Злость возвращается с новой силой. Энакин сжимает плечи Фирмуса и толкает его на диван, но тут же падает сверху, не заметив подножки.

— Значит, всегда будешь со мной?

Фирмус смотрит внимательно и абсолютно спокойно. Энакин запускает ладонь ему в волосы и неуклюже пытается расстегнуть рубашку одной рукой. Теряет терпение, дергает ее вверх. Фирмус перехватывает его пальцы.

— Ты хоть что-нибудь соображаешь?

Он с трудом подавляет желание зажать Фирмусу рот.

— Ты не полностью дееспособен, — задумчиво говорит тот, поправляя воротник. — Такая ситуация называется «сомнительное согласие».

В чем ему не хватает дееспособности? Что здесь сомнительного?

— Никто не узнает.

— Что именно? — кажется, его злость передалась Фирмусу — он подается вперед и вцепляется в ладонь Энакина до боли, но тут же качает головой и добавляет: — Надеюсь, что никто.

Тянет холодом. Здесь сквозняк? Энакин ежится и оглядывается по сторонам, но Фирмус не дает ему отвлекаться — боль от укуса обжигает шею.

Горло. Острый край стекла с хрустом перерезает трахею. Жуткий хрип, попытка вдохнуть, кровь льется прямо в легкие.

Нет, не так. Горло сжимают металлические пальцы. Кожа растягивается и рвется, позвонки с громким треском ломаются, между пальцев продавливается мясо и порванные сосуды. Глухой удар — голова отделяется и падает на землю.

Фирмус смотрит на него безумным взглядом и поспешно зализывает место укуса.

О чем он только что думал?

Энакин встает с дивана и толкает Фирмуса к своей спальне. Зачем-то закрывает за собой дверь.

В этой комнате всегда было мало места? Дверь всегда закрывалась с таким скрежетом? На тумбочке лежали наручники?

«А теперь, ваше высочество, мы обсудим...»

Кто это говорил? Почему он вспоминает сейчас эти слова?

Вместо кровати Энакин видит перед собой койку тюремной камеры. На ней в страхе сжимается пленница. Он хватает ее за горло, не давая сопротивляться, — кажется, ее совсем парализует от ужаса, но через миг она отчаянно царапает его руку. Свободной ладонью он проводит вдоль ее тела, прислушиваясь к чувствам, — пленнице чудится, что она горит заживо. Вместо крика из ее стиснутой глотки доносится лишь прерывистый хрип.

Боль. Огонь. Горящая плоть, кожа лопается, кровь течет и тут же засыхает, огонь, он не может даже кричать.

Фирмус лежит на спине и тяжело дышит. Его рубашка разорвана на две части, остальная одежда — на полу. Видимых повреждений нет.

Левая ладонь Энакина расцарапана до крови, правая выпачкана спермой.

Что он вообще делал?

Новости. Падме. Отвлечь от датапада.

Как можно осторожнее он касается виска Фирмуса и погружает его в сон. Сразу же, не

давая себе возможности передумать, берет с тумбочки наручники и приковывает Фирмуса к поручню у кровати. Вот, оказывается, зачем его установили. Проверяет карманы — комлинка нет, на помощь позвать не получится. Энакин выходит из комнаты и блокирует дверь.

Появляется смутное беспокойство. Их вообще кто-то навещает? Когда обнаружат Фирмуса? Что произойдет, если Энакин забудет про него и не вернется?

Не забудет. Он теперь хорошо помнит происходящее, по крайней мере, недавнее.

Датапад требует для включения пароль и отпечатки пальцев. Энакин едва удерживается от ругательств. Никто сейчас не поднимет тревогу, но Сила подсказывает — времени мало. Он разбивает окно с противоположной от входной двери стороны и прыгает через него на улицу.

Теперь он чувствует снайперов так, словно они находятся в паре шагов. Сразу несколько оглушающих разрядов бьют в дюростил под ногами, но его охранники реагируют медленно, слишком медленно. Энакин призывает Силу и бежит к зданию, показанному по Голонету.

Там должна быть охрана, верховного канцлера не оставят беззащитной. Но путь близкий. Он справится.

За ним никто не гонится. Почему так просто оказалось уйти?

Ответ становится понятен сразу же — Энакин ощущает знакомое присутствие и едва успевает уклониться от меча Оби-Вана.

Лицо его учителя ничего не выражает.

— Мы снова встретились, — произносит он и направляет меч в грудь Энакину.

Когда они виделись в последний раз? Оби-Ван выглядит почти так же, как во время его ученичества, только в волосах появилась седина. Оби-Ван тоже охраняет его?

— Я должен увидеть Падме, — пытается объяснить Энакин. — Я никому не наврежу.

«Мальчик пришел к Падме», — в памяти неожиданно появляется эта реплика. Кажется, тогда его не пустили. Разумеется, бесполезно пытаться и сейчас. Ему никто не верит.

— Ты не заберешь ее у нас, — резко отвечает Оби-Ван. — Возвращайся назад.

Он расхаживает перед Энакином, и длинный плащ треплется за его спиной. Значит, с ним можно справиться, даже не снимая плаща. Или Оби-Ван не ожидает сопротивления?

— Зачем? Почему я должен быть взаперти? Это арест?

Оби-Ван старательно скрывает свои чувства, но Энакину кажется, что он видит в глазах

учителя ненависть.

— Объясни мне, — продолжает он. — Я запомню. Разве это путь джедаев? Скрывать правду, мучить своих пленников?

— Не читай мне лекций, — хмурится Оби-Ван. — Я вижу насквозь твою ложь. Раньше ты мог кого-то обмануть, но сейчас таких наивных людей не осталось.

Убьет ли он Энакина, если попытаться напасть?

— В чем мое преступление?

— Ты все время нам мешал, — с досадой отвечает Оби-Ван. — Но мы принесли мир, свободу, справедливость и безопасность этой Республике. Ты не заберешь ее у нас.

Эти фразы кажутся бесполезным набором слов. Что он может забрать? У кого именно, если ему никто не верит?

— Я не покушаюсь на государственный строй. Моего слова тебе недостаточно?

— Его недостаточно даже тебе. Ты несешь смерть и разрушение. Тебе никого не удалось спасти, ты никому не принес добра, а теперь пытаешься уничтожить и себя.

— И вы против?

— Да, — жестко отвечает Оби-Ван. — Ты не заслужил.

Энакин выбрасывает вперед ладонь, но Оби-Ван мгновенно реагирует — его удар Силой бросает Энакина на землю. После некоторого времени без таблеток рефлексy работают лучше, но недостаточно. Оби-Ван бьет его ногой в бок и хватает за горло, другой рукой поднося к лицу меч. Энакин сопротивляется, как бы опасно это ни было, но все напрасно.

Оби-Ван тащит его обратно на себе.

Фирмус не обменивается с Оби-Ваном ни единым словом или даже взглядом. Они быстрыми, отработанными движениями усаживают Энакина на стул, открывают ему рот и заставляют проглотить таблетки. На этот раз он даже не знает, сколько. Голова кружится, как никогда раньше. Кажется, Оби-Ван уходит.

Руки Энакина свободны, его не заперли. Но сам он не может даже подняться на ноги, опасаясь потерять равновесие. Предметы перед глазами плывут и растягиваются.

— Не могу поверить, — резко говорит неожиданно появившийся рядом Фирмус. — Стоит расслабиться, как ты обманываешь меня и бежишь. Пытаешься уничтожить весь наш труд. Еще повезло, что никто не погиб.

«Тебе повезло» — должно быть, он именно это имеет в виду.

— Ты пробовал рассказать мне правду? — спрашивает Энакин. Он не знает, кому может верить. Но, по крайней мере, от Фирмуса он до сих пор не чувствовал лжи и злых намерений, желания навредить.

— Разумеется. Как думаешь, что свело тебя с ума? Правда, больше ничего.

Выражение лица Фирмуса немного смягчается.

— Ты мне веришь? — спрашивает он.

Верить хочется. Кажется, что на разум Энакина воздействовали Силой, до такой степени хочется верить.

— Я тебя не помню, — уклончиво отвечает он.

Фирмус не отрывает взгляда от его лица.

— Я столько лет был с тобой. И ты не можешь доверять моим методам?

«Методам». Это слово звучит холодно, отстраненно. Но жестоких намерений за ним не ощущается.

— Они не работают больше, Фирмус. Я все равно схожу с ума. Это невозможно переносить.

Фирмус колеблется.

— Почему мне нельзя увидеть Падме? — чуть громче спрашивает Энакин. — Что с моим сыном?

— А что ты знаешь о сыне? О том, что с ним случилось? — горько произносит Фирмус, похоже, даже не ожидая ответа.

— Знаю достаточно. Имя, внешность...

— Нет, — Фирмус садится перед ним на корточки, берет за запястья. — Ты убил своего сына.

Энакину кажется, что его выбросили в открытый космос. Пустота и холод. Пронизывающий до костей холод.

— Не может быть. Неправда. Невозможно...

— Попробуй вспомнить. Тогда поймешь, что это правда.

Воспоминания приходят сами, без усилий. Люк, падающий в пропасть. Люк, кричащий от боли, зовущий отца. Он чувствует, как жизнь покидает сына. Это ведь может быть ложным воспоминанием? Очередной галлюцинацией?

Фирмус не отпускает его.

— Поэтому я и мешал тебе вспоминать некоторые вещи. Ты не можешь перенести того, что произошло. Свои причины так действовать, чувство вины, может быть. Ты опасен для самого себя. И, скорее всего, для канцлера Амидалы.

Сразу же появляется еще одно воспоминание: Падме, с ужасом хватаящаяся руками за собственное горло. И точно такое же угасание жизни. Это сделал он?

Энакин пытается встать, но Фирмус держит его на месте.

— Может, канцлер и готова будет простить тебе это покушение. Но гибель сына она не простит никогда. И мы не до конца уверены, что ты не попытаешься вновь сделать что-то подобное. Так рисковать нельзя. Как и оказывать давление на канцлера ради твоих желаний, — слова жестокие, но тон Фирмуса мягкий, почти участливый.

Он не заслуживает.

— Почему? Как я мог такое сделать?

— Ты считал, что находишься на другой стороне конфликта, который слишком поздно перестал иметь значение. Теперь я могу предложить только это, — Фирмус на секунду отпускает одно предплечье Энакина и обводит широким жестом комнату. — Могу выслушать и твои предложения, если ты сейчас не утратишь рассудок окончательно. Но встреча с канцлером исключена.

Разумеется. Энакин хочет теперь просить лишь об одном, но Фирмус этого не даст. Можно, наверное, и самому справиться. Например, разбить зеркало с помощью Силы и перерезать себе горло.

Он сознательно удерживает себя от того, чтобы погрузиться в воспоминания. Их уже достаточно. «Утратить рассудок окончательно» — значит, навредить другим. Кто еще остался? Оби-Ван сможет защититься от безумного джедая. Фирмус — вряд ли. Почему он вообще подвергает себя такой опасности?

— Зачем ты остаешься со мной?

— Потому что я не боюсь.

Он сжимает руки Энакина почти до боли.

— Можно мне еще таблеток? — устало просит Энакин. — И наручники. Я не хочу создавать проблем.

Фирмус кивает и тянется к своему карману.

Все здание содрогается.

Энакина бросает на пол. Их атаковали? Землетрясение, бомбардировка? Сила отказывается помогать, давая лишь слабую подсказку — «атака спереди, берегись». Он хватается в охапку Фирмуса и заслоняет собой.

Входную дверь разносит мощный взрыв. Энакин тянется к бластеру Фирмуса, но останавливает себя. Из них двоих он стреляет хуже.

Помещение заполняется едким дымом. Фирмус вскакивает на ноги и целится в эту дымовую завесу — зачем? Энакин с помощью Силы разгоняет дым.

На пороге стоит невысокая фигура в темном комбинезоне и закрытом шлеме.

— Я не нападу на вас, — слышится голос из вокодера. Судя по всему, женский.

Энакин призывает Силу и готовится бросить в противницу диваном. Но она демонстративно поднимает руки, показывая, что безоружна, а потом стаскивает с головы шлем.

— Ваше высочество, — Фирмус произносит эти слова, словно ругательство.

Энакину в первую секунду кажется, что перед ним стоит Падме. Но он тут же осознает свою ошибку — эта девушка вообще на нее не похожа. Ниже ростом, совсем другое лицо. Она решительно подходит ближе.

— Прошу простить за эти вынужденные меры, — говорит она. — Я предлагаю вам соглашение.

Она обращается к Фирмусу. Тот с видимым удовольствием прицеливается в нее.

— Оставьте нас, ваше высочество. Не знаю, каких целей вы добиваетесь, но я не пойду на сделки.

Лея Органа, вспоминает Энакин. Так зовут эту девушку. Принцесса... он не помнит, чего.

Лея поворачивает голову набок, в сторону дымящегося пролома в стене на месте двери, но не отводит взгляда от Фирмуса.

— Заходи, — говорит она. Сначала слышится кашель, а затем перед ними появляется Люк Скайуокер.

Энакин уже ничего не понимает.

— Ты видишь его? — спрашивает он у Фирмуса.

— Какая разница, — зло отвечает тот, не сводя глаз с Леи.

Не успев осознать абсурдность такой фразы, Энакин снова борется с головокружением. Предметы начинают расплываться. Теперь он не отличит галлюцинаций от реальности.

— Вы и здесь организовали террористическую группу, — говорит Фирмус.

— Я не боюсь убивать, — спокойно признает Лея. — Как и вы. И я политик, вы знаете, на что я способна.

«Я настоящий, — внезапно слышится Энакину. — Тебе не кажется».

Еще и бесплотные голоса? Раньше их не было.

«Я настоящий. Посмотри на меня».

Он вспоминает сразу — голос принадлежит Люку. Вот только почему он звучит лишь в мыслях Энакина? Его сын тоже чувствителен к Силе?

Нет. Невозможно. Он убил своего сына. Галлюцинация словно издевается — Люк выглядит так же, как и в день своей смерти. Черная одежда, никакого оружия.

— Я выступлю в Сенате, — продолжает Лея. — Канцлер узнает все о вашем обращении со Скайуокером.

— Если еще не знает, — Фирмус по-прежнему не теряет самообладания, хотя, судя по всему, происходит что-то серьезное. Энакин хочет помочь, но как это сделать, когда неизвестно, что из находящегося вокруг него реально?

— Если после широкой огласки этих фактов Амидала не вмешается, я вынесу вотум недоверия. Меня поддержат, иначе образ Амидалы будет уничтожен целиком, а после него погибнет и вся ваша Республика.

«Ваша». Про кого говорит Лея?

— Возможно, — после паузы признает Фирмус, словно констатируя логичность математического доказательства. Он подчеркнутым жестом отводит в сторону бластер, а Люк — галлюцинация? — бросается вперед и обнимает Энакина.

Это непереносимо. Энакин закрывает глаза, желая перестать вообще что-либо чувствовать.

— И что вы предлагаете? — интересуется Фирмус.

— Отдайте Скайуокера. Лично мне. Я справлюсь.

— Интересный вариант. Что вы надеетесь так получить?

— То же, что и вы. Справедливость. Мир и порядок.

Энакин решается открыть глаза. Люк выпустил его из объятий, но по-прежнему касается его плеча. Хочется протянуть руку и дотронуться самому, но он не смеет.

— Мне пришлось долго трудиться, чтобы достигнуть таких результатов, — холодно говорит Фирмус.

— У вас меньше возможностей, — голос Леи, наоборот, теплеет. — Держать под контролем близкого к агонии безумца сложно. С каждым днем больше шансов на ошибку. А даже если ошибки не будет, — она вздыхает, — у вас осталось слишком мало времени. Разве этого достаточно? Разве вас такое удовлетворит?

— Вряд ли.

— Он умрет в ближайшие дни, вы это знаете. Но если доверитесь мне, то я не подведу. — Лея протягивает Фирмусу раскрытую ладонь. — Прислушайтесь к моим чувствам.

Фирмус закрывает глаза, и на его лице медленно расплывается улыбка.

— Да, — говорит он. — Допрос. пытки. Смерть родителей, Альдераан. Вы не простите этого. А главное... — он улыбается еще шире.

— Я ваша дочь, — Лея тоже начинает улыбаться.

— Действительно. Наша.

Фирмус пожимает руку Леи.

— Тогда мне остается только положиться на ваше благоразумие.

Он оборачивается к Энакину.

— Можешь уходить, Эни. Я больше не держу тебя.

Энакин встряхивает головой. Это никогда не помогало от галлюцинаций, но он не может отучиться от привычки. Люк — ненастоящий, так говорил Фирмус. Лея — настоящая, с ней говорил Фирмус. Настоящий ли сам Фирмус? Говорит ли он именно то, что слышит Энакин?

— Уходи, — повторяет Фирмус. — Так будет правильно.

Очертания предметов перед глазами дергаются, а потом становятся идеально четкими.

— Почему? Что произошло?

— Ее высочество позаботится о тебе. Это надежнее.

Энакин призывает Силу. В словах Фирмуса не чувствуется эмоций — ни горечи, ни радости. Почему?

Он обещал всегда заботиться.

— Ты же...

— Я следил за тобой. Не отвлекался ни на минуту. — Он подходит вплотную. В его глазах красные прожилки, а радужка — темно-желтая. — Я всегда ненавидел тебя, Эни. Как и все остальные.

— Остальные...

— Все окружающие тебя люди. Ты приносишь боль и страдания. Вспомни, скольких ты убил? Гонки Бунта Ив, тебе же нравилось это жестокое развлечение. Станция на орбите Набу. Война с сепаратистами. Джедаи, маленькие дети, — он широко улыбается. — Весь Альдераан, вся наша Республика с канцлером во главе.

Это галлюцинация. Невозможно уничтожить планету. Он не убивал детей.

К горлу подступает комок, начинает тошнить.

— А как ты издевался над своими детьми. Жаль, что Падме не знает. Мое положение не позволяло ей сообщить, и рисковать всей нашей Республикой мне тоже не хотелось. Пытать свою дочь, отрубить руку сыну, позволить Императору мучить его. Я не предполагал, что такое возможно.

«Это не ты, — снова голос Люка. — Пусть говорит. Это был не ты».

О чьей дочери сейчас идет речь?

— Когда ты вернешься, то все вспомнишь. Я буду наблюдать за тобой. С нетерпением этого жду.

Кажется, что в помещении становится на несколько градусов холоднее.

— Кто ты?

Фирмус поднимает перед собой ладонь и сгибает пальцы. Энакин хватается за горло, на котором сжимается невидимая рука.

— Не спрашивай, если знаешь ответ, это невежливо.

«Не зли его, — слышит Энакин. — Еще немного, и мы уйдем отсюда».

Фирмус, наконец, отпускает руку и насмешливо говорит:

— Адмирал Пиетт всего лишь хотел жить. Как и Лорт Ниида, Оби-Ван Кеноби, Падме Амидала. Для меня это не принципиально. Я и так буду жить всегда. Я всегда буду с тобой.

Он снисходительно предлагает Люку:

— Последний шанс. Возвращайтесь. Снимите с него маску.

— Нет.

Фирмус кивает. Достает комлинк, нажимает кнопку вызова. Чуть заметно улыбается и, не дождавшись приветствия собеседника, произносит:

— Коммандер, огонь по Альдераану.

После небольшой паузы следует осторожный вопрос:

— Но вы и Скайуокер...

— Выполнять!

— Да, милорд.

Люк изо всех сил сжимает левую руку Энакина, Лея хватается за правую.

Мир разлетается на части.

Яркий свет ослепляет, из глаз катятся слезы. Легкие словно лавой залили. Вейдер с глухим стоном дергается на кровати.

— Держи!

Он рефлекторно пытается ударить подошедших левой рукой, оберегая правую, на которой еще не восстановили протез.

Кислородная маска едва не падает с лица.

— Держи, не давай двигаться! Почему не привязали?

На его плечи давят с нечеловеческой силой, одновременно фиксируя на кровати. Снова наручники, а теперь еще и ремни.

Он понемногу привыкает к свету, который, заметив его дискомфорт, приглушают.

Шевелиться трудно, но он приподнимает голову и видит усталую, бледную Лею. Еще ближе стоят медицинские дроиды. Здесь точно нет никаких галлюцинаций.

— Делайте все необходимое. Мы задачу выполнили, — Лея переводит дыхание и подходит к изголовью. Рядом с кроватью на коленях стоит Люк, склонив голову и тяжело дыша. Лея поднимает его на ноги, не обращая внимание на болезненную гримасу.

— Пойдем, тебе нужен отдых.

— Нет... Лея... Мы должны...

— Пойдем-пойдем, — она почти тащит его на себе. — Ты гораздо дольше меня там пробыл, это опасно.

На Вейдера она больше не обращает внимания.

Ему вводят какие-то препараты, и боль отступает. Где он?

Люк. Он не выполнил просьбу и не снял с Вейдера маску. Судя по тому, что Лея отдает распоряжения, после взрыва Звезды Смерти его привезли на корабль Альянса.

Вейдер осматривается. В этом помещении — только постель и медицинские дроиды. Даже разбить ничего нельзя, чтобы использовать осколки. Хотя куда ему бежать? Пока неизвестно.

Лея быстро приходит в себя после боевых действий в его сознании. Уведомляет Вейдера о том, что, несмотря на желание мести, не настолько жестока, как порождения его разума, а поэтому с ним будут хорошо обращаться, но шансов на побег нет. Вместе с ней его хочет навестить Люк, но Лея в последний момент отстраняет брата от входа, сказав, что его визиты сейчас совершенно лишние.

Вейдер чувствует себя достаточно сильным для побега, но теперь у него нет никакой портативной системы жизнеобеспечения. И вряд ли появится, пока он не пойдет на соглашения с Альянсом. Точнее, с ее высочеством. Больше никто из разумных существ к нему не приходит, за исключением дроидов.

Часы бодрствования он проводит, изучая потолок и пытаясь с помощью Силы определить, что находится в соседних помещениях. Во снах его преследует насмешливый голос «адмирала»: «Опять бежишь, Эни? Кто же тогда позаботится о тебе?»

К сети, разумеется, получить доступ нельзя. Он не знает, что происходит с Империей без Палпатина и его наследника. И выбраться наружу, даже на короткое время, не получится.

Зато он все помнит.

Неважно, кто был настоящим Вейдером в придуманном мире. Не принципиально, зачем его вернули в настоящий — с далеко идущими политическими целями, поддавшись наивным надеждам или отдавая какой-то долг. Скорее всего, наивность сыграла решающую роль. «Это не ты убивал» — Люк действительно так считает? После всего случившегося?

Это, разумеется, к лучшему. Лея не сможет все время мешать своему брату ходить в медотсек. Дроидов можно перепрограммировать или разобрать на детали, которые, в свою очередь, использовать вместо оружия. От нескольких сделок с Альянсом катастрофы не произойдет.

«Мне нет дела до справедливости. Я забочусь только о твоём благополучии».

Он убежит. Он не позволит собой распоряжаться.

Он ждет.